

Сильнее смерти

(Окончание. Нач. на 2 стр.).

Конец 1942 года ознаменовался крупным успехом советских войск на Волге, под Орджоникидзе, Моздоком, севернее Туапсе. Эхо легендарной битвы на Волге пронеслось и над седым Кавказом. Было ясно — гитлеровцам не зимовать. Возникла задача уточнить обстановку, не дать фашистам унести ног с перевалов. Войска готовились к решительным схваткам на всех участках Кавказских предгорьев. Получили боевую задачу и войска, удерживающие заоблачные высоты.

— Примерно 20 декабря 1942 года, — вспоминает бывший начальник 810 стрелкового полка, ныне пенсионер, подполковник Федор Захарович Коваленко, — штаб армии приказал: организовать разведку боем, захватить контрольного пленного, и выслал к нам на высокогорный крошечный аэро-

дром самолет У-2 для его транспортировки. Мы разработали план. Из добровольцев создали пять отрядов, включили и боевую группу Вараздата Саркисяна. Командовал центральным отрядом лейтенант Глухов. Разведка боем началась успешно, продвинулись в расположение противника. Через час разбушевалась пурга. Четыре фланговых отряда без потерь вернулись, а с центральным связь была потеряна. Узкий проход «Волчьих ворот» у второго обледеневшего водопада закрылся. Все наши усилия прорваться к Глухову и Саркисяну к успеху не привели. Вплоть до 30 декабря во вражеском кольце они вели неравные бои...

Об этих последних днях разведчиков рассказывают Вартамян и Шуаев:

— Вараздат объявил набор добровольцев, — вспоминает Вартамян. — Отобрал Чичнадзе, Кикнадзе, Даладзе, Тосуняна, меня

и еще нескольких, всего 13 человек. Забрали мы по три гранаты, пятьдесят патронов, кирки, лопаты, кое-что съестного, 22 декабря проскочили «Волчьих ворот», обошли водопад, заметили блиндаж и овладели им. Здесь застала нас невероятная пурга. Пришлось ждать рассвета. Утром возобновили поиски. Глуховцы были правее, мы штурмовали высоту западнее. К нам в руки попал пулемет, две ленты патронов. У меня были обморожены уши, пальцы рук, к тому же мы потеряли одного нашего разведчика. Разыскали его, почти окоченевшего, под снежным сугробом. Привели в чувство. Вараздат приказал мне пробиться в батальон и доложить об обстановке... Потом, через 8—10 дней, в пункте обогрева до меня дошла страшная весть о моих товарищах...

— В начале даже буря не оказалась помехой намеченному плану, — пишет Шуаев. — В кот-

ловане Кара-Кая группы Саркисяна и Глухова соединились. Кончились боеприпасы, не было уже продовольствия, но без «языка» мы не хотели возвращаться. Фашисты открыли ураганный огонь, разыгрался тяжелый бой. Вараздата ранило в плечо, но он продолжал трофейным пулеметом прикрывать отряд. Мне перебило обе ноги. Очнулся я в госпитале...

Глуховцы с группой Саркисяна возвращались теми же дорогами, какими проникли туда, а у прогалины узкого прохода встретили непреодолимый вражеский заслон. Повернули к юго-западу — и там пути были отрезаны. Шуаева подобрала подоспевшая на помощь разведчикам группа Гаевского, но соединиться с остальными не смогла. Оставшиеся же во вражеском кольце бились до последнего. Никто из них живым в руки врага не сдался.

Через неделю полк пошел в



наступление, врага сбросили с крыш Кавказа. Спустя 19 лет украинские альпинисты нашли упомянутый уже патронташ. А на гранитном утесе перевала ныне открыт памятник «Героям от комсомольцев - альпинистов».

С. САРКИСЯН,

полковник запаса.
г. Москва.